

К 90-летию со дня рождения Максима БОГДАНОВИЧА

«Беларусь, твоя народ
встречается
С ярким солнцем
встающего дня...»

Максим ТАНК

Биография его трагична. В пять лет он остался без матери. Отец увозит его из родной Белоруссии в далекий Нижний Новгород на постоянное жительство. Казалось бы, связь с родиной порвана навсегда. Но он вернулся! Вместе с Купалой и Коласом стал основоположником современной белорусской литературы, крупнейшим национальным поэтом. Из наших же криниц черпал он ту животворную силу, которая помогла ему найти пути к сердцам своих земляков, стать выдающимся поэтом. Сам поэт, как человек с гениальными творческими возможностями, искал ту почву, на которой могли брошенные его рукой зерна прорасти и дать богатейший урожай. Такой почвой могла быть только своя родная земля, свой народ, с которым поэт был связан живыми корнями. И тут хватило небольшой искры, заставшей в его сердце или из воспоминаний детства, или из народной песни, или из этнографических сборников его отца, чтобы разгорелось живое пламя его творчества.

Поэзия его богата народными мотивами, историческими и литературными реминисценциями. Его стихи наделены неповторимым характером, наполнены волнующим содержанием. Даже сегодня, когда белорусская поэзия может похвалиться немалыми успехами, стихи Максима Богдановича сияют труднодосяжимой вершиной. Богданович ускорил движение белорусской литературы, расширил ее художественные границы и горизонты.

Имя Богдановича для белорусов символично. Он навечно со своим народом своей нестарющей песней!

Максим БОГДАНОВИЧ

Межи

Окинешь взором весь простор земной —
У каждой хаты встал забор стеной,
Очеренный гранеными гвоздями,
Утыканный поволокой стеклом.
Взгляни — и ты увидишь: за селом
Земля располосована межами —
Разъяты ими хлебные клыны,
Кордонами леса разделены,
Повсюду пограничные камни
Среди лугов глыбисто залежи.
Единства нет. По всем краям земли
Меж странами в вершину устремленье
Щетинится штыками рубежи.
На свете нету места без межи.

Когда-то были вольными просторы
Святой земли, но странный человек
Заборы возводил из века в век,
Капавы рыл, как лисы роют норы,
И прятался, и в страхе жил — одиак,
С душой дрожащей, как листва осин,
Завистливый, неверный, бессердечный,
Не жил, а прозябал в тревоге вечной
За валом, частоколом, за межей —
Для всех чужой.

Взгляни: а что за тыном, за оградой? —
Вид безотрадный, всюду, там и тут, —
Голодный и раздетый люд,
Который на земле работой страдной
Создал богатство; не жалея сил,
Вспахал пашу, весь мир преобразил,
Пространство он связал железной веткой,
Он в поднебесье мачты труб вознес,
А сам давным-давно ослеп от слез
И в нищете остался беспросветной.

Гляди: везде, по всей земле святой,
Хлеба волной играют золотой,
Стеной леса стоят на кругозоре.
Иди по странам, за верстой верста,
Вокруг богатство, всюду красота.
А люд рабочий мучается в горе —
Не потому ль, что в мире с давних пор
Везде — межа, везде — забор!

1914

В селе

Lumen coeli, sancta rosa! *
А. ПУШКИН

Нам в девушках жила
волнующая внешность,
Мы любим матерей
за доброту и нежность.
Но лишь в слиanye их —
гармонии венец!
Неистовый творец брал кисть или резец,
Чтоб материнства дух,
во всем его величье,
Чарующе явить в девическом облище.
С полотен, дева-мать, глядят твои черты,
Сияет свет очей. Ты — символ красоты.
И трепет затая, я на тебя взираю
И мысленно лечу к отеческому краю.
И в памяти сквозит минувшей
жизни след —
Хоть образы темны, размыты дымкой лет,
Но то, чего ищу тревожною душою,
Как бы само собой встает передо мною.
Однажды в летний день рабочей порой
Я шел через село. Угрюмой чередой
Вдоль улочки кривой стояли нимо хаты
В трухлявых шапках стрех,
приземисты, горбаты.
Темнели на боках убоих этих хат
Слепые окна их подобием залпал.
Тут умирало все, тут все едва дышало,
Хоть было здесь и то,
что малость украшало
Крестянское житье: мак, разноцветный мак
Вокруг, как мотыльки, усеял гряды так,
Что светом радужным свежо
плеснуло в душу.

Увидеть кое-где тут можно было грушу,
Кривую, старую... Вот только и всего.
А из людей в селе не видно никого —
С рассвета в поле все;
с ведром за частоколом

* Свет небес, святая роза! (лат.)

КОГДА говорят о большом поэте, значит, говорят о его родине, народе, языке, культуре, истории. Чествуя сегодня большого поэта Максима Богдановича, мы чествуем родину его — Белоруссию.

Я не перестаю удивляться этой земле, ее людям. Белоруссия — одна из самых многострадальных в истории северных славян земель. У нее терпеливое сердце. Характер белоруса — спокойный, ровный, простодушный, и это после такого огня, железа, которые много раз прошли по этой земле.

Белоруссия — равнинная, лесная страна, но только по географии она такая, а по духу своему, по культуре — это страна вершин, вершин гражданского мужества и истинного таланта. Янка Купала, Якуб Колас — их творчество воистину вершины не только нашей, но и мировой поэзии. Максим Богданович стоит рядом с ними. Его судьба — особенная. Такая короткая жизнь, и так много в ней от сердца, от беспокойной мыс-

Молодка не мелькнет узорчатым подолом.
Ни шапки войлочной — магерки, ни брыля
Нигде не встретишь тут.

Пуста, глуха земля.
Жеребчик не заржет,
не взмоет песня звонко.
Что ж странного, когда,
нежданно крик ребенка
Услышав, вздрогнул я и осмотрелся: ах!
Я мальчишка вспугнул.

В его глазенках — страх.
Задвигались в траве и ножки, и ручки,
Он к няньке уползал —

лет девяти девочке.
Добрался, зарыдал и к ней в подол —
скорей,

Всем существом прильнул
к защитнице своей.
И как склоняется под ветром

верх березки,
Склонилась так она над ним,
стирая слезки.

И тут же принялась, ни дать ни взять,
как мать,
Ребенка утешать, чтоб плач его унять.
Облище матери, ее души начало
Так явственно в чертах девчушки

проступало,
Смягчало лаской их. И в этот миг она,
Озарена добром, все до краев полна
Была такой родной, широкой красотой,
Что, глядя на нее, и я доблел душою.
Той девочкой босой, замурзанной, худой
Прекрасен облик был не внешней красотой,
А чем-то высшим, тем, что Рафаэль,

быть может,
Стремился передать, рисуя мать божью.
Страница лучшая в тетради бытия!
Вновь с тихой радостью тебя читаю я.
Пусть много всякого, что в жизни было,

смысло
Теченье бурных лет, и лик девчушки милой
В глубинах времени пускай исчез уже,
Я верю, в трудный час воскреснет он
1909—1912 в душе.

Иллюстрация
А. ЛАПЦОНОЙ
к стихотворению
«Летописи»
из юбилейного
сборника
«Венок»

Лявониха

Ах, Лявониха, Лявониха моя!
Вспомню тебя душевным словом я —
Пух бровей дугообразных, черный пух,
Взор такой, что аж захватывает дух...
Вспомню и поступь легкую, и stance,
Вспомню, как ты умела целовать.
Ой, Лявониха, Лявониха моя!
Ты певала голосистой соловья.
Как плясала ты, играва и ловка,
И «Метелицу», и «Юрку», и «Бычка»!
А как жать начнешь, бывало, свой загон,
Удивляется ленивый твой Лявон.
Ой, Лявониха, Лявониха моя!
Полсела не у тебя ли кумовья?
Знала ты, как приласлить и угостить,
А того, кто загнул, — развеселить.
Ты умела слово нужное сказать,
А порой и к сердцу жаркому прижать.

Ой, Лявониха, Лявониха моя!
Дай же бог тебе счастливого житья!
Дай в угрюмом мире радостно прожить,
Всех и вперед, как веселила, веселить,
Чтоб тебя светло и нежно помнил я,
Ой, Лявониха, Лявониха моя!
1915—1918

Перевел с белорусского
Бронислав СПРИНЧАН

Егор ИСАЕВ

В НАДЕЖДЕ И БОРЬБЕ

ли, горячо и талантливо сделано — в поэзии, публицистике, критике, переводах. Почти нет разбега. Сразу — взлет. Интересно, что поэт не увлекался символической литературой той поры. Хотя его творчество совпадает по времени с полосой повально-го увлечения символизмом и мистицизмом. Обойти эти модные искусства, возвыситься над ними Максиму Богдановичу помогла любовь к родной Белоруссии, ее языку, народу, фольклору, природе.

Он был неравнодушным человеком во всем. Слово его — не столько от умения, сколько от пережитого. Ему

не было нужды прибегать к книжному символизму. Истинная символика была разлита вокруг него, в самой жизни. Богданович писал о страданиях народа, нищете, беспорядке. Вместе с тем он чувствовал все богатство его души, всю красоту его слова, способность творить и создавать.

Максим Богданович верил в революцию. И победивший народ не остался в долгу у своего поэта. Сегодня он истинно народный поэт Белоруссии. Его любят, изучают, читают наизусть в школах, высших учебных заведениях и просто дома, в кругу друзей. Русскому читателю и читателям других наших национальных республик поэт близок и как философ, и как революционер в надежде и борьбе. В его стихах явлена уплотненная языковая культура. Богданович переводил со многих языков без подстроичников. Переводил как с родного. Честь и великая хвала ему в нашем сердце, в истории Белоруссии и ее прекрасной словесности!

ХРОНИКА ЮБИЛЕЯ

В Минске создается литературный музей М. Богдановича. Он разместится на улице М. Горького в двухэтажном особняке, который будет реставрирован. Сотрудники будущего музея собирают и систематизируют материалы, связанные с жизнью и творчеством поэта.

В торжественной обстановке в Минске открыты памятники М. Богдановичу работы заслуженного деятеля искусств БССР скульптора С. Вакара. Памятник установлен в сквере, недалеко от того места, где стоял родной дом поэта.

Издательство «Мастацкая літаратура» выпустило фран-

сильное издание сборника поэта «Венок». Готовится к печати книга М. Богдановича и на русском языке в переводе Б. Спринчана. Чуть раньше вышел сборник воспоминаний и биографических материалов, составленный известным исследователем жизни и творчества М. Богдановича литературоведом Н. Ватаци «Путь поэта». Томик избранных произведений М. Богдановича подарило читателям издательство «Юнацтва».

Отделение общественных наук АН БССР, Союз писателей БССР, Институт литературы имени Янки Купалы провели научную конференцию, посвященную творчеству поэта.

В минском Доме искусств открыта выставка. Белорусские художники, графики, скульпторы представили на ней свои новые работы.

Олег ЛОЙКО

ВЕНЧАЯ МУЖИКА С КРАСОЙ МАДОННЫ...

ОТЕЦ Максима Богдановича — Адам Егорьевич — был дружен с А. М. Горьким. Они познакомились после переезда семьи Богдановичей в Нижний Новгород в 1896 году. Женой А. Е. Богдановича была Александра Волжина — родная сестра Екатерины Волжиной, жены Горького. О своих встречах с великим пролетарским писателем А. Е. Богданович оставил довольно пространное воспоминание, вошедшее в книгу «Страницы из жизни М. Горького».

В прихожей нижегородской квартиры Адама Егорьевича висела репродукция старинной картины, изображавшей мадонну, подаренная М. Горьким главе семьи. Максим Горький, конечно же, не подозревал, что дарит ее прежде всего сыну Адама Егорьевича — Максиму, а через него — всей белорусской литературе!

Запомнил ли Алексей Максимович пятилетнего мальчика, который, возможно, и выбегал на его звонки в прихожую? Этого мы не знаем. Но то, что образ мадонны-матери, овеянный впечатлительного ребенка, органически вошел в творчество великого белорусского поэта, — об этом красноречиво свидетельствует единственный прижизненный сборник его стихов «Венок». Именно этим сборником священный образ мадонны был утвержден в белорусской поэзии, стал в ней рядом с образами белорусского мужика и молодой Беларуси.

«Венок» — это, собственно, не сборник, а целостная поэтическая книга. До последнего времени «Венок» Максима Богдановича в своей классической завершенности не был у нас известен. Первый издатель, вопреки воле автора, отбросил третью часть, кото-

рая с тех пор печаталась как отдельный цикл. Издатель не понял поэта. И лишил бы этого понимания и нас, если бы наборщик книги не оставил своеобразных «родимых пятен», непосредственно авторского замысла «венка»: римской еднички, означавшей первую часть книги, и тем же шрифтом набранные заглавие второй. Конечно, и в таком неполном виде «Венок» М. Богдановича остается в белорусской литературе классическим образцом поэзии.

«Картины и песнопения» — так назвал М. Богданович первую часть «Венка». Ее составляют зарисовки реальной жизни и песнопения в честь светлых гуманистических идеалов, наполняют вера в будущее. В чем же черпал М. Богданович силу для поэтического возвышения? Что укрепляло эту его веру в будущее Белоруссии? Прежде всего — красота и доброта людей и, главное, женщин-мадонн, кристально чистые нравственные истоки их души, соотносившие в сознании поэта с женскими образами эпохи Возрождения!

Вторая часть «Венка» так и названа автором — «Мадонны». От изображения характера белорусского мужика и молодой Беларуси к лику мадонн, не христианских, не мистических, а найденных в том же белорусском селе, воспетых и Купалой, и Коласом, — вот путь Богдановича, поднимающий его к вершинам мировой лирики.

Основная, пронизывающая сборник «Венок» мысль заострилась в третьей части, названной им «Любовь и смерть» — мадонны и нематроны.

«Венок» был напечатан в 1913 году в городе Вильно. Но первый его экземпляр поэт листал на берегу Волги, в Ярославле, будучи студентом юридического факультета. Товарищи по учебе удивлялись, как это он своей книгой вводит в такую уютную крестьянского характера литературу, как белорусская, образы, мотивы, формы, навеянные античностью и Возрождением. Кому это нужно — мужику? Поэт же был убежден: да, мужику, народу!

После выхода «Венка» М. Богданович прожил недолго — всего четыре года. Лик мадонны витал над ним, умиротворяющим в Ялте. Но сколько событий успело потрясти мир за этот краткий срок! Образ пугливо-печальной и умиротворяющей женственности казался ему уже таким беззащитным... И поэт пишет «Погоню», воспевающую всадника с карающим мечом.

Случилась ткачиха — панские полонянки, ткавшие на своих полотнах не персидские узоры, удобные господам, а «цветок родного василька», олицетворяющий верность отчизне, и устремленный в будущее всадник, поднимающий благословенный крестьянскими мадоннами меч в боях за правду, — вот главные образы поэта. М. Богданович стал революционно настроенным интеллигентом. Он не мог не быть, защищая попарные протесты угнетенного человека «будто проклятого богом» края, венчая мужика с красной мадонной Рафаэля, поэт — ковский пробуждающий в белорусском крестьянине человеческое достоинство.

НЕПРЕХОДЯЩАЯ ЛЮБОВЬ

Нил ГИЛЕВИЧ

культуры. Впрочем, у себя на родине, в Белоруссии, поэт давно и всенародно любим. Уже для нескольких поколений белорусских читателей М. Богданович — классик национальной литературы.

Влияние Богдановича на белорусскую поэзию и шире — на всю художественную культуру Белоруссии огромно. И чем ближе к нашему времени, тем оно сильнее и очевиднее. Интерес к творчеству Богдановича непрерывно возрастает, а такая посмертная участь уготована далеко не каждому. Гениальный поэт, самобытно-талантливый прозаик — рассказчик и эссеист, мастер поэтического перевода, блестящий литературный критик, значительный научный историк белорусской литературы и искусства, пламенный публицист, наконец, выдающийся мыслитель революционно-демократической школы. Максим Богданович оставил наследство, которое продолжает жить активной и действенной жизнью.

Он пришел в белорусскую литературу на волне революционных 1905—1907 годов. На примере творчества чуть раньше утвердивших себя Купалы и Коласа он увидел и понял, как поэзия может изобличать, протестовать и призывать к борьбе от имени угнетенной массы. Полностью присоединяясь к такой позиции, Богданович, однако, на этом не остановился: он заговорил о том же, но от своего имени, заставив о себе как о личности бороться, о своем личном духовном мире. И потому несколько иным языком, психологически более тонким и достоверным.

М. Богданович предстает перед нами человеком удивительно цельным и целеустремленным. Его всепоглощающей страстью была любовь к родной Белоруссии. Желание изменить несправедливую судьбу батьковщины было неукротимым. Боль за свой народ не утихла в его верном сыновнем сердце. Принципиальность и мудрость поэта заключались в том, что

он почувствовал и понял свое время как исторический поворотный момент в судьбе Белоруссии, смог достаточно ясно увидеть те общественные силы, которые осуществят — и очень скоро! — извечную мечту мужика о социальном и национальном раскрепощении.

В творческом облике Богдановича было что-то от выдающихся деятелей культуры эпохи Возрождения. В белорусской литературе он утвердил себя как поэт-гуманист в самом подлинном смысле этого слова. В простом крестьянине он увидел человека богатой и красивой души, одаренную любовью и добротой личностью. Широта его духовных горизонтов была поразительна. Его познания в области литературы, искусства и истории весьма разносторонни. По глубине проникновения в историю культуры Белоруссии и других народов Бога-

нович выделяется среди своих белорусских современников. В числе первых он заинтересовался героическими страницами национальной истории, эпическими мотивами и образами фольклора, творчески перевоплощая их в соответствии с актуальными задачами времени.

Поражает гармония мысли и чувства, пластика и музыки слова в лирике Богдановича. С первых строк, написанных в 17-летнем возрасте, и до последнего, предсмертного четверостишия — все на хрестоматийном классическом уровне. У него было совершенное чувство меры и соразмерности, и в этом отношении поэт близок Пушкину.

Наконец, скажем и о том, что делает его личность столь привлекательной в глазах многонационального советского читателя. Богданович был убежденный и пламенный интернационалист, что подтверждают не только его переводы поэзии с разных языков мира, но и его замечательные статьи о поэтах братских славянских народов, в особенности — о русских и украинских, проникнутые любовью и глубочайшим уважением. Этот братский дар, умноженный и обогащенный, белорусская литература несет и сегодня. И одно из самых прекрасных и драгоценных слагаемых этого дара — творчество Максима Богдановича.

МИНСК

Роман ЛУБКИВСКИЙ ЗВЕЗДА ПОЭТА

В НАЧАЛЕ XX века на небосклоне молодой белорусской литературы одно за другим ярко засверкали имена Тетки (Элизы Пашкевич), Янки Купалы, Якуба Коласа, Максима Богдановича. Словно незыблемая упуценное, это созвездие талантов, по словам М. Богдановича, начало «пробуждать людей к свету, правде, братству и свободе». «Богданович-поэт, — писал Максим Рильский, — одно из самых ярких и чрезвычайно своеобразных явлений белорусской поэзии». Самоубытность Богдановича прола-

гается в благородной гармонии мысли и чувства, высокой культуре слова. В его творческом наследии нас одинаково привлекают и «стихи белорусского лада», пронизанные неистребимой любовью к родной истории и народному творчеству, и раскованный верлибр, и филигранные, мастерски отшлифованные сонеты, и взлелеянные на национальной почве терцины, рондо, триолет... Знаменательно, что один из стихотворных циклов Богдановича написан на мотивы русских, украински, сербских, скандинавских, испан-

ских, персидских и японских песен. «Было бы хуже, чем нерадивость, не взять из того, что сотни народов на протяжении тысяч лет собирали в сокровищницу мировой литературы», — писал поэт. Он переводит на родной язык Овидия, Горация, Шиллера, Гёте, Верхарна, Пушкина и Маякова; на русский — лирику Шевченко, Франко, Крымского, Самийленко, а также стихи Янки Купалы и свои собственные. На русском языке создается целый поэтический сборник «Зеленая».

Будучи первым белорус-

ским критиком, он сумел верно оценить не только творчество своих соотечественников. Так, например, Якуб Колас говорил, что мало кто из украински и русских критиков дал такой тонкий, всесторонний анализ поэтического дарования великого украинского Кобзаря, как Максим Богданович. Эти слова, касающиеся статей «Краса и сила», «Памяти Тараса Григорьевича Шевченка», не утратили своей актуальности и поныне. Дику даешься, насколько проникновенно понял этот гениальный юноша душу украинского

народа, как досконально изучил историю и фольклор. М. Богданович умер и похоронен в Ялте. Всплынуло над далеким от его родины южной землей, словно метеорит, огненное слово поэта. Но до последних мгновений жизни он отрицал смерть, составлял белорусский букварь — книгу для народа. Верил и надеялся: Беларусь, твой народ поведает С ярким солнцем встанет то дня. Посмотри, как волон разгорается, Сколько в тучах далеких огни... (Перевод А. КОЧЕТКОВА)

Как близок и дорог нам поэт своей неистребимой верой Звезда его поэзии светит сквозь время.

гор. ЛЬВ

МИНСК